

W $\frac{61}{190}$

Душанбе
ЗАДА 18 *2486*
ФЪ *XX*
7.8.
20.20.7

W $\frac{61}{190}$

2007056108

6.1
190

35237

КАЗАНСКІЕ ЧУВАШИ.

Въ прошедшемъ году помѣщенъ былъ въ Журналъ М. В. Д. * очеркъ быта Чувашей Симбирской губерніи; нынѣ, благодаря одной очень умной и хорошо написанной книгѣ **, можемъ ознакомиться и съ особенностями Чувашей Казанскихъ. Сочиненіе, которое такъ занимательно знакомитъ всѣхъ съ этими инородцами, весьма примѣчательно и само-по-себѣ, тѣмъ-болѣе что, несмотря на недавнее свое

* Ч. XXX, стр. 303—355.

** Заглавіе книги: *Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Часть первая: Замѣтки о Чувашахъ.* Соч. Василія Собова. Казань (безъ означенія года), 272 стр. въ 8 л. л.

существованіе, составляетъ уже библиографическую рѣдкость (какъ оттиснутое въ небольшомъ числѣ экземпляровъ). Не поступивъ въ книжную продажу, «Замѣтки о Чувашахъ» конечно извѣстны весьма немногимъ. Это не иное что, какъ отдѣльно отпечатанное собраніе писемъ къ редактору Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, помѣщавшихся въ этой газетѣ съ 1845 по 1850 годъ. Авторъ не имѣлъ опредѣленнаго плана и системы, и пользовался правомъ сочинителей писемъ говорить о предметахъ поражающихъ его въ настоящую минуту, не заботясь о строгой связи своихъ посланій. Эта форма, вредящая книгѣ въ научномъ отношеніи, съ-другой-стороны придаетъ ей живость замѣтокъ очевидца, пишущаго по горячимъ слѣдамъ. Къ-тому же авторъ, знатокъ своего предмета, болѣе двадцати пяти лѣтъ какъ водится съ Чувашами, и одаренъ наблюдательностью и слогомъ. Все это привело къ тому, что набросанныя имъ безпритязательно «Замѣтки» очутились лучшимъ сочиненіемъ о Чувашахъ, и во всѣхъ отношеніяхъ далеко оставили за собой пользующіяся нѣкоторой извѣстностью «Записки о Чувашахъ» г-жи Фуксъ. Книга г. Сбоева явленіе тѣмъ-болѣе пріятное въ нашей ученой литературѣ, что составляетъ лишь первую часть его «Исслѣдованій объ инородцахъ Казанской губерніи»; вторая посвящена будетъ Черемисамъ. Желательно, чтобы и объ этомъ народѣ авторъ сказалъ столькоже новаго и дѣльнаго,

какъ о Чувашихъ: по части-же всего чувашскаго, г. Сбоевъ отнынѣ — авторитетъ.

О Чувашихъ мало писано; да и самое имя ихъ сдѣлалось извѣстно не ранѣе какъ въ половинѣ XVI вѣка, когда лѣтописецъ, описавъ основаніе Свіязска (въ 1551 году), впервые упомянулъ объ этомъ народѣ: «Воеводы . . . и *Чуваши*, и Черемису, и Мордву . . . привели къ правдѣ». Съ тѣхъ-поръ имя это встрѣчается въ лѣтописяхъ, но безо всякихъ данныхъ для исторіи или этнографіи этого народа. Прошло около двухъ сотъ лѣтъ со времени перваго упоминовенія имени Чувашей, пока обращены они были въ Христіанство (въ 1743 году): это обстоятельство привлекло на нихъ вниманіе наблюдателей; но съ принятіемъ Христіанства начали сглаживаться въ народѣ особенности его древняго быта, языческіе міѳы теряли смыслъ и значеніе, и наконецъ обратились у крещенныхъ Чувашей въ какое-то смутное преданіе. Поэтому, интересныхъ свѣдѣній о Чувашихъ вообще, и древней религіи ихъ въ-особенности, надобно искать преимущественно въ тѣхъ писателяхъ, которые до 1743 года изучали этотъ народъ. Такихъ описаній извѣстно только два: *Страленбергово* и *Миллерово*. Страленбергъ ошибался, но не болѣе другихъ писавшихъ о Чувашихъ, на-примѣръ Миллера или г-жи Фуксъ; по увѣренію г. Сбоева, его извѣстія о чувашской міѳологіи даже несравненно основательнѣе, чѣмъ извѣстія помянутого академика и казанской стихотворицы. *Мил-*

лерз (въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ», за 1756) собралъ все, что слышалъ отъ толмачей въ 1745 году «о трехъ языческихъ народахъ въ Казанской губерніи обитающихъ, яко то: Черемисъ, «Чувашихъ и Вотякахъ», и безъ разбора смѣшалъ и быть и повѣрять этихъ трехъ инородцевъ, сохранивъ впрочемъ многія любопытныя свѣдѣнія о томъ, что въ послѣдствіи изгладилось изъ народнаго быта. Послѣ 1745 года описывали Чувашей: *Рычковъ* (въ «Оренбургской Топографіи», 1762), академики *Палласъ*, *Георги*, *Фалькъ*, *Рычковъ* (сынъ) и *Лепехинъ* (въ своихъ Путешествіяхъ, 1768—1773 года); но все это мимоходомъ, опираясь на готовый матеріалъ *Миллера* и на устные извѣстія толмачей. *Лепехинъ*, относительно, дѣльнѣе своихъ нѣмецкихъ соотечественниковъ. Послѣдній изъ извѣстныхъ доселѣ писателей XVIII вѣка о Чувашихъ, есть безымянный авторъ, статья котораго напечатана въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1827 годъ: и это лучшее, что только есть о языческихъ Чувашихъ; авторъ изучалъ Чувашей самъ, лично, зналъ ихъ языкъ и повѣрять, и вѣрно описалъ то что зналъ. Наше столѣтіе не можетъ похвалиться такою монографіею по части Чувашей. Въ 1822 году профессоръ *Эрдманъ* напечаталъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ о Чувашихъ, въ своихъ *Beiträge*; въ 1829 году помѣщены были двѣ статьи о нихъ въ «Казанскомъ Вѣстникѣ», впрочемъ незамѣчательныя; въ 1839 году, г. *Леопольдовъ*, имѣя нужду сказать что-нибудь о Чувашихъ Саратовской губерніи (въ своемъ «Ста-

тистическомъ Описаніи этой губерніи), обратился за свѣдѣніями къ Палласу и, не понявъ его, надѣлалъ лишь новыхъ ошибокъ. Въ 1840 году вышелъ цѣлый томъ «Записокъ о Черемисахъ и Чувашихъ», произведеніе г-жи Фуксъ, заключающее въ себѣ очень интересныя, но не всегда вѣрныя описанія наружныхъ обрядовъ Чувашей; что-же касается до ихъ міѳологіи и вѣрованій, то эти предметы совершенно не поняты авторомъ. Книга г-жи Фуксъ была, впрочемъ, пріятнымъ явленіемъ, и потому что вновь обратила вниманіе на полузабытый народецъ, и потому еще, что подала поводъ г. Сенковскому написать рецензію, которая вышла дѣльнѣе самой книги *. Чебоксарскій лекарь г. Кронгеймъ, плѣняясь красотою произведенія казанской стихотворицы, составилъ изъ ея книги статью о Чувашихъ на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенную въ берлинскомъ «Русскомъ Архивѣ» А. Эрмана (1843); но въ нѣмецкой одеждѣ, Чуваши вышли еще страннѣе, чѣмъ въ стихахъ г-жи Фуксъ. Въ 1843 году г. Протопоповъ напечаталъ «Краткое описаніе суевѣрій Чувашъ», описаніе дѣльное, но уже черезъ-чуръ краткое (24 стр.). Въ 1846 году Протоіерей Вик-

* Г. Сбоевъ замѣчаетъ, что эта книга ввела также въ заблужденіе и писателей, повторившихъ ей на-слово, и очень остроумно обнаруживаетъ происхожденіе ошибокъ. Нѣкоторые его исправленія относятся и до моей книги («Мухаммеданская Нумизматика, въ-отношеніи къ Русской Исторіи». Спб. 1846), за что я ему весьма благодаренъ.

торъ Вишневскій помѣстилъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью «О религіозныхъ повѣрьяхъ Чувашъ», въ которой съ знаніемъ дѣла описываются повѣрья нынѣшнихъ Чувашей. Авторъ пользуется мѣстною славяною отличнымъ знатока этого народа и его языка. Г. Лебедевъ, хорошо знающій Симбирскихъ Чувашей, помѣстилъ нѣсколько легкихъ статей о ихъ житьѣ-бытьѣ въ разныхъ петербургскихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ Журналѣ М. В. Д. Наконецъ, мы имѣемъ «Замѣтки» г. Сбоева. Вотъ и все, что издано о Чувашахъ, ихъ мифологіи и этнографіи.

Матеріаловъ для изученія чувашскаго языка издано еще менѣе, да и тѣ ненадежны. Академическіе путешественники, описывавшіе Чувашей, собирали, для образца, первыя слышанныя слова, передавая произношеніе ихъ произвольно, какъ умѣли. Начало чувашской письменности положили русскіе проповѣдники: Митрополитъ Платонъ перевелъ для нихъ катихизисъ (1804), Священникъ Алонзовъ — проповѣдь о воспитаніи дѣтей (1819); въ 1820 году издано было Четвероевангеліе въ переводѣ на чувашскій языкъ, и проч. и пр. Но всѣ эти переводы — подстрочные, въ которыхъ мало обращалось вниманія на духъ языка и внутренній механизмъ его. Ученые, особливо иноземные, принуждены были, однакожъ, на основаніи такихъ переводовъ, выводить заключенія свои о чувашскомъ языкѣ. Первый опытъ чувашской грамматики изданъ

былъ въ Москвѣ, неизвѣстно кѣмъ, въ 1769 году, подъ заглавіемъ: «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ Чувашскаго Языка»*; этотъ опытъ ниже всякой критики, что не помѣшало впрочемъ члену Французскаго Института г. Лесвеку издать его въ извлеченіи на французскомъ языкѣ въ «Журналѣ Парижскаго Азіатскаго Общества» (1825). Въ 1836 году явилось «Начертаніе правилъ Чувашскаго Языка и Словарь, составленные для Духовныхъ Училищъ», О. Протоіерея *Вишневскаго*: трудъ почтенный и дѣльный, хотя далеко неудовлетворительный въ филологическомъ отношеніи**. Г. Сбоевъ, въ своихъ «Замѣткахъ», дѣлаетъ на него замѣчанія, которыя желательно, чтобы авторъ принялъ въ уваженіе при вторичномъ изданіи своего «Начертанія». На основаніи этихъ двухъ грамматикъ строили системы европейскіе ученые: *Клапротъ*, кажется, первый положительно отказалъ въ чухонскомъ происхожденіи чувашскому языку (въ «Журналѣ Парижскаго Азіатскаго Общества», 1828); *Шоттъ*, въ особомъ разсужденіи (*De lingua Tchouwaschorum*),

* Годъ изданія этой книги показанъ у г. Сбоева 1772; но это ошибочно: она напечатана сперва въ Москвѣ въ 1769 году, а потомъ перепечатана въ С.-Петербургѣ въ 1775. Въмѣстѣ со вторымъ изданіемъ ея, напечатаны были особо и «Сочиненія принадлежащія къ грамматикамъ языковъ Черемисскаго и Вотскаго».

** Того же автора помѣщена была статья о чувашскомъ языкѣ въ «Заволжскомъ-Муравѣ» 1832 года. Г. Сбоевъ не упоминаетъ о ней.

1841), и потомъ въ берлинскомъ «Русскомъ Архивѣ» (1843), старался обработать грамматику чувашскую сравнительно съ турецко-татарскою. *Сенковский*, въ замѣчаніяхъ на книгу г-жи *Фукс* (въ «Библіотекѣ для Чтенія»), сообщилъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о турчизмѣ Чувашей и ихъ языка (1840), а *Мирза Казембекъ* смотритъ уже на чувашскій языкъ какъ на одинъ изъ турецкихъ, и приводитъ изъ него примѣры во второмъ изданіи своей «Турецко-Татарской Грамматики» (1846). Поэтому, весьма странно, что г. профессоръ *Березинъ*, распредѣляя турецко-татарскіе языки и нарѣчія (*Recherches etc.*), совершенно упустилъ изъ виду Чувашскій. Рѣшительный выводъ о турчизмѣ языка Чувашей полученъ лишь со времени выхода въ свѣтъ грамматики *О. Вишневскаго*; до-тѣхъ-поръ (исключая *Клапрота*) всѣ вѣрили въ финское происхожденіе этого языка и причисляли его, если не прямо къ финскимъ, какъ упомянутые выше путешественники и венгерецъ *Дармати* (*Gyarmathy*), то къ смѣшаннымъ финно-турецкимъ (съ примѣсью и «иныхъ элементовъ»), какъ думалъ *Аделунгъ*, авторъ «Митридата». Впрочемъ, полной, строго-научнообразной грамматики чувашскаго языка еще нѣтъ: весьма желательно, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ оріенталистовъ-филологовъ обработалъ ее по примѣру «Якутской Грамматики» г. *Бѣтлинга*. Филологическія изысканія, опредѣливъ Чувашамъ мѣсто въ ряду турецкихъ народовъ,

не могли однакожь навести историка на слѣдъ ихъ прежняго существованія подъ инымъ именемъ. Чувашей считаютъ нынѣ до полумилліона душъ, именно: въ Казанской губерніи — 300,000, въ Оренбургской — болѣе 57,000, въ Симбирской — болѣе 100,000, и въ Саратовской (вмѣстѣ съ Татарами) — 65,000. Столь многочисленный народъ, имѣющій свой особый языкъ, не можетъ не имѣть древняго существованія, хотя настоящее его имя въ первый разъ услышано было не болѣе какъ триста лѣтъ тому. Кто-же они такіе, эти Чуваши? До-сихъ-поръ не отыскано положительныхъ данныхъ для удовлетворительнаго на то отвѣта; болѣе-или-менѣе гадательные выводы могутъ быть сдѣланы лишь по наведенію. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ обитаютъ Чуваши, лѣтъ тысяча тому, извѣстны были три народа: Хазаре, Булгаре и Буртасы — имена, которыхъ не носитъ уже ни одно изъ тамошнихъ племенъ. Чувашамъ, по всей вѣроятности, принадлежало одно изъ этихъ собственныхъ именъ. Г. Сбоевъ полагаетъ, что они Буртасы, основываясь главнѣйше на этимологіи этого слова, ибо *буртасы* по-чувашки значитъ «осѣдлый». *Чуваши* или *Чиваши*, по его мнѣнію, не иное что, какъ татарскій переводъ тогоже слова, отъ *изъ* или *джизъ* (домъ), то-есть «домовитый», «осѣдлый». По-чувашки-же слово *чиваши* и доселѣ значитъ «мирный». Ипoteза остроумная, но не имѣющая силы рѣшенія въ историческомъ вопросѣ!

Мифологія Чувашей, если-бъ она сохранилась въ древней простотѣ, безъ примѣси новыхъ вѣрованій и безъ искаженія старыхъ, могла бы еще служить путеводною нитью для отысканія связи Чувашей съ другими подобновѣрцами; но по остаткамъ донинѣ сохранившихся у нихъ языческихъ преданій нельзя получить понятія о ихъ древней вѣрѣ. Возстановить для науки чувашскую мифологию можно лишь при помощи старинныхъ авторовъ, описывавшихъ ихъ языческіе обряды, особенно автора статьи помѣщаемой въ «Сѣверномъ Архивѣ», повѣряя ихъ извѣстія разсказами мѣстныхъ старожиловъ и личнымъ наблюденіемъ обычаевъ и суевѣрій народа. Такъ поступилъ г. Сбоевъ, и его замѣтки о чувашской мифологіи представляютъ уже довольно удовлетворительное цѣлое, а не безсвязный списокъ многобожія, какъ у прежнихъ авторовъ. Желая познакомить читателей съ его любопытною книгою, заключающею въ себѣ столько разнообразныхъ замѣчаній о различныхъ сторонахъ быта Чувашей, избираемъ изъ нихъ замѣчанія о древней этого народа мифологіи, по-необходимости оставляя многое *ubi tanta nitent*.

Въ языческихъ повѣрьяхъ Чувашей г. Сбоевъ различаетъ два слоя, изъ которыхъ одинъ, первоначальный — довольно — чистъ и могъ принадлежать народу образованному, а другой, наносный — грубъ и образовался отъ постепеннаго погруженія массы народа въ невежество. «Болѣе чѣмъ вѣроятно», гово-

рить онъ, « что у Чувашъ первоначально господствовалъ чистый дуализмъ, можетъ-быть заимствованный либо отъ послѣдователей древней Зороастровой религіи, либо отъ сосѣднихъ нѣкогда Чувашамъ Хазаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую вѣру вѣроятно не совсѣмъ въ чистомъ видѣ ». Дуализмъ этотъ состоялъ въ поклоненіи двумъ враждебнымъ божественнымъ силамъ: *Торъ* — богу добра и свѣта, обитающему въ высочайшей области свѣта, и *Шайтану* — богу зла и мрака, пребывающему въ безднѣ. Въ названіи *Тора*, прежніе ученые хотѣли видѣть скандинавскаго Тора; но г. Сбоевъ, съ гораздо большею основательностію полагаетъ, что это монголо-татарскій *Тегри*, *Тангри* (носовой звукъ *аи*, при переходѣ въ чувашскій языкъ, измѣняется на *о*). Что касается до *Шайтана*, то это слово семитическаго корня, отъ котораго произошло и греческое *Сатана*.

Въ областяхъ какъ добраго, такъ и злаго духовъ, по вѣрованію Чувашей, были духи служебные. Изъ нихъ Чуваше, въ послѣдствіи времени, сдѣлали особенныя, самостоятельныя божества. Такимъ — образомъ изъ единого добраго бога составилось нѣсколько боговъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одно какое-либо свойство прежняго, единого добраго божества, и каждый носилъ названіе *тора* (« бога »), съ прибавленіемъ свойства, имъ представляемаго. Къ этимъ божествамъ присоединились потомъ и боготворимыя силы природы, а за ними, на-послѣдокъ, яви-

лись боги-покровители полей, домовъ, лѣсовъ, урочищъ, и проч. Наконецъ, вотъ какъ развѣтвился первоначальный дуализмъ чувашскій:

Боги чувашскіе, какъ мы сказали, раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ. Тѣмъ и другимъ приписывалась взаимная другъ-отъ-друга независимость. Боги добрые подраздѣлялись на два разряда: а) на небесныхъ, или живущихъ на небѣ, и б) на земныхъ, имѣющихъ мѣстопребываніе на землѣ.

А. Небесные добрые боги были:

1. *Сюльди-Тора* — высочайшій богъ. У него жена — *Сюльди-Торъ-амыжъ*, и дѣти — *Сюльди-Торъ-ывылъ-земъ*. Это самое верховное божественное семейство. Предикатъ: *Сюльди*, происходитъ отъ татарскаго слова *юлдузъ* «звѣзда», по-чувашки *сюлдыръ*, по-черемисски *шюдыръ*. *Сюльди-Тора* есть властитель и распорядитель всего надзвѣднаго, духовнаго міра; съ земнымъ — же онъ сообщается не иначе, какъ чрезъ посредство другихъ небесныхъ боговъ.

2. *Сюдъ-Тунзы-Тора* — творецъ свѣта, богъ, во власти котораго посылать людямъ свѣтъ и теплоту.

3. *Чонъ-Сиораданъ-Тора* (отъ персидскаго *джанъ* или *джонъ* «душа») — богъ дающій младенцамъ души. Чуваша допускали предсуществованіе послѣднихъ, и вѣрили, что души чело-вѣчскія сотворены высочайшимъ богомъ и до соединенія своего съ тѣломъ живутъ въ удивительно-прекрасной, богатой и плодород-

ной сторонѣ, лежащей къ юго-востоку отъ Чувашландіи.

4. *Асла-аддй-Тора* — богъ грома и молніи. *Асла-аддй-Тора* значитъ, слово-въ-слово, богъ-дѣдъ». Отчего богъ грома и молніи получилъ такое названіе, занимая ни чуть не первое мѣсто въ демонологіи чувашской, неизвѣстно: знаемъ только, что громъ и доселѣ у Чувашей называется «дѣдъ» (*асла-адй*). Чувашскія выраженія *асла-адй-аудать* («дѣдъ поетъ», или — «слышится»), *асла-адй хыда аудать* («дѣдъ громко поетъ»), значатъ: *громъ гремитъ, сильный громъ гремитъ*.

5. *Кебе* — «Судьба» (г. Сбоевъ производитъ это слово отъ арабскаго *кад'а*, *кадза*, «судьба, предопредѣленіе, рокъ», что едва-ли вѣроятно, по трудности превращенія твердаго *д* въ *б*.). Это богъ управляющій всеми земными и подземными дѣлами и, особенно, судьбами рода человѣческаго. Ему содѣйствуютъ два небесныя божества: *Пюлюхси* и *Пиамбаръ*.

6. *Пюлюхси* есть небесный богъ, который, по назначенію *Кеде*, раздаетъ людямъ счастливые или несчастные жребіи, богатство или скудость въ земныхъ благахъ. Это семейный богъ, то-есть у него есть жена и дѣти, какъ и у большей-части чувашскихъ боговъ. И корень, и грамматическая форма слова *пюлюхси*, несмотря на то что оно звучитъ немного по-чухонски, не могутъ быть объяснены изъ финскихъ нарѣчій; это татарское *булюкчи* «раздѣляющій», тоже что араб-

ское *касэмъ*. Чуваши, по обыкновенію, перемѣнили ненавистное имъ *б* въ *п*, замѣнили окончаніе *чи*, означающее въ тюркскихъ нарѣчіяхъ дѣйствателя, производителя, владѣтеля, своимъ любимымъ партиципiальнымъ окончаніемъ *ссы* или, сокращенно, *си*, и — изъ татарскаго *булюкчи* явился чувашскій *пюлюх-си*. Черемисскій *пюлюкше*, «духъ, ангелъ», очевидно взятъ у Чувашей.

7. *Пигамбаръ* — богъ, по опредѣленію *Кебе*, раздающій людямъ душевныя качества и сообщаящій имъ видѣнія пророческія. Самое названіе этого бога, очевидно, персидское *пейгамъ-беръ*, происходящее отъ словъ *пейгамъ* (радостная вѣсть) и *беръ* (несущій), отъ глагола *бурденъ* (нести). Замѣчательно, что этотъ *Пигамбаръ* былъ первоначально и богомъ огня; потомъ низвели его на степень бога пастуховъ, а наконецъ понизили въ званіе покровителя скотовъ!

8. *Ира-Тора* — богъ благодѣяній, покровитель жизни супружеской и семейной. Онъ устрояетъ браки, старается сдѣлать счастливою жизнь супруговъ, и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечиваетъ ихъ домашній бытъ.

9. *Перенеть-Тора*, его жена и дѣти. Это боги изобилія, преимущественно предъ другими многочисленныя. Во власти *Перенеть-Торы* давать людямъ изобиліе въ жизненныхъ потребностяхъ, въ счастливомъ поддержаніи супружества и приумноженіи земныхъ плодовъ. Онъ же оберегатель сохраняемыхъ въ землѣ кла-

довъ. Названіе *Переветъ* есть, очевидно, арабское *берекетъ*; то и другое значитъ «изобиліе».

10. *Хвель-Тора* — богъ солнца; *Хвель-амыжъ* его жена; *Хвель-ывылъ-земъ*, его дѣти. Слово *хвель*, я полагаю, едва-ли не древне-персидское *хоръ* (Несторовъ *Хорсъ*), «солнце».

11. *Оухъ-Тора*, его жена и дѣти. *Оухъ* по-чувашики значитъ «мѣсяцъ» (татарское — *ой*).

12. *Перторли*, богъ одновидный. Корень названія его, по мнѣнію г. Сбоева, заключается въ татарскомъ *беръ* «одинъ» и арабскомъ *тауръ* «видъ»; а частица *ли*, какъ извѣстно, употребляется въ тюркскихъ нарѣчіяхъ для образованія именъ прилагательныхъ. На счетъ первой половины слова можно согласиться: по арабское существительное, приставленное къ турецкому числительному, едва-ли возможная вещь. Это богъ покровитель мануфактурныхъ издѣлій. Онъ же употребляемую Чувашиами пищу дѣлаетъ безвредною. Почему онъ «одновидный», не понимаемъ.

13. *Сюланъ*, отъ татарскаго *иланъ*, *джи-ланъ*, «змѣй» — богъ, летающій въ воздухъ и сообщающій женщинамъ даръ плодородія.

14. *Сиръ-асше*, его жена и дѣти. Это богъ создавшій землю. Земля по-чувашики зовется *сиръ* (по татарски — *иръ* или *джиръ*).

15. *Силь-Тора*, его жена и дѣти. Это боги вѣтра (отъ чувашскаго *силь*, или татарскаго *иль*, что значитъ «вѣтеръ»).

16. *Сюрень-Тора* (*сюрень* или *сюреень* — отъ чувашскаго *сюрясъ*, имѣющаго корень въ та-

тарскомъ *юрмакъ*, «ходить, странствовать, гулять») — богъ странствующій по воздуху и подающій помощь тѣмъ, которыхъ постигаетъ непредвидѣнное, печальное и незаслуженное бѣдствіе. Въ-особенности онъ покровительствуетъ странствующимъ по водамъ и спасаетъ утопающихъ.

17. *Херле-Сирь-Тора* — богъ красной, плодородной земли, то-есть оплодотворяющій землю.

18. *Хурбанъ-Тора* (отъ арабскаго *курбанъ*, жертва) — богъ жертвоприношеній. Когда Чуваши хотѣли приносить жертву высшимъ небеснымъ богамъ, то прежде всего особымъ жертвоприношеніемъ просили Хурбана, чтобы онъ внялъ ихъ молениямъ. Потомъ уже начиналось жертвоприношеніе въ честь высшимъ богамъ, къ которымъ одинъ только Хурбанъ-Тора могъ переносить молитвы жертвоприносителей.

19. *Алыкъ-озянь-Тора* — отворяющій двери небеснаго жилища боговъ, охранитель небесныхъ вратъ.

Б. Земными добрыми богами считались:

1. *Сирди-падша*, *Сирди - падша - амыжъ*, *Сирди-падша - ывылз - земъ*, то-есть — земной царь, земная царица, дѣти земнаго царя. Язычествовавшіе Чуваши боготворили cadaго изъ земныхъ своихъ владыкъ, считая ихъ представителями высочайшаго бога и приписывая имъ чисто-божественную натуру. На торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, имя земнаго

царя и его семейства произносилось въ молитвахъ сряду послѣ имени высочайшаго бога, прежде всѣхъ другихъ небесныхъ божествъ.

2. *Сіолъ-Тора*, отъ чувашскаго *сіолъ* (татарское *іолъ*, «дорога») — богъ покровитель дорогъ и путешествующихъ.

3. *Кильранъ-Тора* (отъ *киль*, «домъ») — домовый.

4. *Кардранъ-Тора* (отъ *карда*, «загородка, хлѣвъ, скотный дворъ») — покровитель и защитникъ домашнихъ животныхъ.

5. *Вурманъ-Тора* (отъ чувашскаго *вурманъ*, татарскаго *урманъ*, «лѣсъ») — хранитель лѣсовъ, не имѣющій, впрочемъ, ничего общаго съ Кереметью.

6. *Хирранъ-Тора* (отъ татарскаго *ккыръ* «поле, степь») — блюститель пашней и вообще полей.

Въ этихъ названіяхъ боговъ нельзя не обратить вниманія на различіе ихъ происхожденія: одни, какъ *Хвель*, «солнце», указываютъ на древне-персидское вліяніе; другіе — чисто монголо-татарскія въ чувашской одеждѣ; третьи — семитическаго корня, арабскія, и несомнѣнно принесены съ исламизмомъ (на-примѣръ *Перегеть*, то-есть *берекетъ*); четвертая, наконецъ — ново-персидскія (*Пигамбаръ*) или татарскій переводъ арабскихъ прилагательныхъ, употребительныхъ въ исламизмѣ, какъ на-примѣръ *Пюлюхси* — татарское *булюкчи*, по-арабски *касимъ*: *касемъ* или *касимъ* есть одно изъ прозвищъ Магомета. Послѣ этого не покажется удивительнымъ,

что и чувашскій *Кереметь*, какъ скажемъ ниже, является не инымъ чѣмъ, какъ передѣлкою арабскаго *харемъ*.

Что всѣ эти добрыя божества образовались отъ разнородныхъ свойствъ одного-и-того же добраго бога, служить доказательствомъ уже и то обстоятельство, что торжественная молитва у Чувашей всегда сопровождалась жертвоприношеніями и всѣмъ прочимъ добрымъ богамъ. Изъ этихъ жертвоприношеній два совершались въ полѣ: одно—передъ яровою (*ойчукъ*), другое—передъ озимою пашнею (*синья*); третье жертвоприношеніе: *Тора тыражинъ чуклесъ*, «моленіе о хлѣбѣ», отличается тѣмъ, что при немъ, кромѣ добрыхъ духовъ, призывали и злыхъ.

Добрые боги были одни и тѣже у всѣхъ Чувашей, а злые, напротивъ того, не вездѣ одни и тѣже. Каждая чувашская деревня, кромѣ общихъ злыхъ духовъ, признавала еще свои мѣстные злыя божества, которымъ преимущественно поклонялась. Исчислить ихъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ-болѣе что число ихъ и теперь еще увеличивается, по усмотрѣнію некрещенныхъ.

Въ древнемъ дуалистическомъ вѣроученіи Чувашей злымъ началомъ былъ *Шайтанъ* (Сатана). Въ-послѣдствіи времени, понятія о *Шайтанѣ*, какъ и понятія о *Торѣ*, распались на нѣсколько частей и образовалось множество злыхъ боговъ. *Шайтанъ*, какъ и *Тора*, сдѣлались идеями отвлеченными. Первенствующи

щимъ въ царствѣ злыхъ духовъ очутился *Кереметь* (слово, происходящее вѣроятно отъ арабскаго *харемъ*, *харамъ*, «неприкосновенное»). Кереметью, по преданію, первоначально назывался сынъ верховнаго бога, первенецъ его. Люди, подстрекаемые Шайтаномъ, убили его и сожгли тѣло, а прахъ развѣяли по вѣтру: гдѣ палъ этотъ прахъ, тамъ повыросли деревья, а съ ними возродился и Кереметь, но уже не въ одномъ лицѣ, а во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ, привязанныхъ къ землѣ и лишившихся возможности жить съ добрыми небесными духами. Вообще Кереметь есть существо озлобленное, мстящее людямъ за свое убіеніе и разлуку съ добрымъ отцемъ. Всякое бѣдствіе происходитъ отъ Керемети, и если бы не умиловлять его жертвоприношеніями, то давно-бы, по понятію Чувашей, погибъ весь родъ человѣческій. Поэтому, у каждой чувашской деревни была своя *Кереметь* («неприкосновенное» мѣсто жертвоприношеній Кереметю и злымъ духамъ вообще); въ многочисленныхъ селахъ было ихъ по двѣ, по три и болѣе; были «Керемети» официальные, главные—для общественныхъ жертвоприношеній, и частныя—родовыя или семейныя. Въ настоящее время Чуваши потеряли почти всякую вѣру въ страшныя иѣкогда «керемети»: это произошло въ слѣдствіе благоразумнаго распоряженія Начальства, которое приказало вырубить эти «неприкосновенныя» рощи. Увидавъ, что Кереметь не покаралъ истребителей,

Чуваши весьма естественно пришли сперва къ сомнѣнію, а потомъ и къ невѣрію въ Кереметь. По наблюденіямъ г. Сбоева, знавшаго Казанскихъ Чувашей двадцать пять лѣтъ тому и вновь изучавшаго ихъ теперь, суевѣрія и языческіе обряды и преданія ихъ исчезаютъ быстро, уступая мѣсто христіанской набожности, такъ-что нынѣшніе Чуваши во многомъ уже не походятъ на своихъ отцевъ. «Вступивъ въ предѣлы Чувашской Земли», пишетъ г. Сбоевъ, «я былъ пріятно изумленъ перемѣною, которую всего меньше надѣялся въ ней встрѣтить. Вообразите: въ Петровки, то-есть въ то время, когда полуязычествовавшая Чувашская Земля праздновала одно изъ важнѣйшихъ своихъ торжествъ и приносила богамъ наобильнѣйшія свои жертвы — въ это время я видѣлъ богослуженіе въ христіанской церкви, видѣлъ значительное число говѣльщиковъ и особенно говѣльщицъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, на-примѣръ въ Кошкахъ, почти каждую недѣлю число ихъ простиралось отъ 40 до 60 человекъ. Мнѣ объяснили притомъ, что говѣющіе исполняютъ долгъ христіанскій болѣе по произвольнымъ и внутреннимъ, чѣмъ по внѣшнимъ побужденіямъ; что во всѣ недѣли Великаго-Поста въ чувашскихъ церквахъ совершается непрерывная служба, причемъ число говѣющихъ бываетъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Петровки; къ Госпожинкамъ не пріобщавшихся Св. тайнъ на тысячу человекъ остается не болѣе 20 или 30; и, наконецъ, что нынѣ, между Чувашиами,

не бывшій у исповѣди и Св. причастіа болѣе двухъ лѣтъ считается рѣдкостью, явленіемъ необыкновеннымъ». Изъ числа видѣнныхъ авторомъ 49 говѣльщиковъ, только три были сельскіе; остальные пришли изъ приходскихъ деревень, и на недѣлю размѣстились по квартирамъ у церковнослужителей. Сѣмяна истинъ христіанскихъ глубоко уже насаждены попечительностію Духовенства, и Чуваши сами уже начинаютъ чувствовать, чѣмъ обязаны своимъ пастырямъ.

Частыя сношенія съ Русскими и усиленіе торговой и промышленной дѣятельности также измѣнило во многихъ отношеніяхъ понятія Чувашей. Монополія Русскихъ на чувашскихъ базарахъ исчезла: теперь Чуваши сами, какъ заготовляютъ или закупаютъ въ Казани и уѣздныхъ городахъ, такъ и продаютъ на своихъ базарахъ нужныя для домашняго обихода вещи. Многіе торгуютъ скупаемымъ у соплеменниковъ хлѣбомъ на довольно значительныя суммы; у нѣкоторыхъ есть даже расшивы, на которыхъ они доставляютъ хлѣбъ свой въ Рыбинскъ. Эти торговцы составляютъ цвѣтъ племени. Они обыкновенно, не только съ Русскими, но и между собою, говорятъ не иначе какъ по-русски, и живутъ въ чистыхъ, просторныхъ избахъ; послѣдній предѣлъ ихъ честолюбія составляютъ родственныя связи съ Русскими. Низшіе или, правильнѣе сказать, бѣднѣйшіе классы народа, подражая своимъ богачамъ, также стараются сближаться съ Русскими

21/5

и говорить какъ-можно чище по-русски; даже нѣжный полъ, все еще чуждающійся Русскихъ и имѣющій съ ними мало сношеній, начинаетъ понимать и говорить по-русски, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Г. Сбоевъ спросилъ однажды чистымъ чувашскимъ языкомъ у бойкой Чувашки, жены дряхлаго старика, сколько ей лѣтъ. Та обидѣлась тѣмъ, что Русскій спрашиваетъ ее по-чувашски, и горделиво отвѣчала по-русски: *полтина лѣтъ поспѣлъ*, то-есть — что ей около пятидесяти лѣтъ.

Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, изгладятся и послѣдніе слѣды прежняго быта и языка Чувашей, и они сольются съ общою семьею Русскаго Народа.

2007056108